

Общие правовые корни республик бывшего Союза ССР повлияли на их сходные конституционные решения применительно к местному самоуправлению. В новых конституциях государств – участников СНГ данное понятие получило признание. Таковы, например, статья 7 о разделении государственной власти и местного самоуправления, статьи 77, 78 о местной государственной администрации Конституции Кыргызской Республики. Статьи 99-105 Конституции Республики Узбекистан посвящены основам государственной власти на местах, в том числе органам самоуправления в поселках, кишлаках и аулах в лице сходов, аксакалов и их советников.

Применительно к институту, нормы которого определяют *системы государственной власти и местного самоуправления*, можно указать на следующие особенности: 1) это нормы по преимуществу прямого регулирующего действия, реализуются в конкретных правоотношениях; 2) в качестве субъектов правоотношений выступают органы государства и органы местного самоуправления в их статусе органов народовластия; 3) преобладающая по количеству часть норм устанавливается на основе Конституции России в актах текущего законодательства, детально определяющих порядок их образования, компетенцию, формы деятельности; 4) для норм этого института характерно специфическое отличие от других институтов, соотношение норм общефедеральных и действующих на территории каждого субъекта Российской Федерации, а также на территориях, в которых осуществляется местное самоуправление²⁶.

²⁶ Маликов М.Ф. Концептуальные основы местного самоуправления // Сборник научных трудов. Вып. 1. Уфа, 1998. С. 57-59.

Раздел 4 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Вопрос о методологических основах изучения государственной власти и самоуправления носит дискуссионный характер¹, поскольку он является комплексным и многофакторным.

Одни ученые считают, что правоведение *разрабатывает* методологические проблемы в исследованиях государственно-правовой действительности²; другие отрицают выполнение подобной роли юридической науки, поскольку последняя сама пользуется диалектическим материализмом, разработанным философией³; третьи полагают, что проблемы методологии юриспруденции, или науки о правоведении, связаны с формулированием положений не о самом праве и не о правовых науках вообще, а о словарном фонде, который обслуживает эти науки, о способах словесного выражения понятий, принятых в теоретических и догматических исследованиях права⁴.

Есть и группа авторов, которая, не давая двойственной оценки методологического значения правовых категорий, утверждает, что методология правоведения – это обусловленная диалектико-материалистическим методом совокупность теоретических принципов и способов исследования государственно-правовых явлений⁵. Таким

---

¹ Маликов М.Ф. Методологические проблемы правоведения. Стерлитамак, 2001. Выпуск V, 420 с.; *Он же*. Методология изучения конституционного права. В 2-х частях Ч.2. Уфа: БашГУ, 2000. 640 с.; *Он же*. Концептуальные проблемы правового регулирования. Стерлитамак, 2001. Выпуск VI, 446 с.; *Он же*. Введение в Конституционное право. Уфа: БГУ, 2001. 445 с.; *Он же*. Основы Конституционного права Российской Федерации. Уфа: БашГУ, 2003. 283 с.

² Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 7-8.

³ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 18.

⁴ Адам Подгурецкий. Очерк социологии права. М., 1974. С. 12-13.

⁵ Марксистско-ленинская общая теория. М., 1970. С. 116.

образом, “учеными самозабвенно, а некоторыми лукаво существующее лишь в идеале выдавалось за реальное, когда анализируя государство и право, они стремились видеть недостатки не столько в них, сколько в применяемых самими учеными методах исследования”⁶.

Отсюда представляется целесообразным уточнить понятие методологии правовой науки, определить комплекс методологических проблем изучения государственной власти, наметить основные направления исследований государственной власти и самоуправления.

Как известно, теория государства и права характеризуется собственным объектом исследования, куда относятся: а) основные понятия юриспруденции (государство, право, правоотношения, норма права, правосудие, правоспособность); б) закономерности, определяющие развитие государства и права; в) отношения между государством и правом, между государством и другими явлениями общественной жизни; г) способы исследования и оценки явлений в государстве и праве⁷.

В литературе отмечаются три основные позиции по данному вопросу: а) отрицание за ними такого значения; б) относительное признание за теорией государства и права такого значения (поскольку они выражают философское содержание правоведения); в) признание за ними самостоятельного методологического значения в пределах правоведения⁸.

Однако некоторыми авторами правовые категории и их значение, как средств теоретического выражения государственно-правовой действительности, признаются условно, поскольку, по их мнению, сами эти правовые категории трактуются как своеобразная правовая конкретизация и модификация философских категорий⁹.

На наш взгляд, более плодотворной представляется иная позиция, которая изложена в работах С.Н. Братуся, П.Е. Недбайло, Д.А.

Керимова, Л.С. Явича, Л.И. Спиридонова, В.С. Нерсисянца и ряда других сторонников общей теории права.

Так, С.Н. Братусь отмечает, что теории государства и права как “науке (не менее чем философии) нужны научные абстракции, общие категории, теоретические обобщения, отражающие более глубоко правовую действительность, сущность правовых явлений, чем простое их описание”¹⁰.

Различия в оценке методологического значения юридических категорий влияют на подход к проблеме логического строя правовой теории. Только признание за ними самостоятельного методологического значения позволяет ставить вопрос об определенной структуре понятийного аппарата теории права, о системе правовых категорий.

П.Е. Недбайло, для которого понятия и категории теории государства и права имели значение “метода получения новых научных результатов”, саму эту теорию рассматривал как “выражение в логике понятий общих закономерностей развития государства и права”.

Л.С. Явич также считал необходимым “признать методологическое значение общих понятий”, и видит в степени подготовленности категориального аппарата одно из условий выделения в рамках юриспруденции новых наук¹¹.

Справедливо замечание Д.А. Керимова о недостаточном внимании, уделяемом теорией правоведения, специфике движения своего познания, формам и средствам познания права¹².

Важно подчеркнуть, что такое положение сложилось под влиянием определенных особенностей исторического становления и развития советской теории государства и права.

Так, сразу же после Октябрьской революции советским юристам-марксистам необходимо было на фундаменте диалектического и исторического материализма создавать, по существу, новую теорию правовой науки. Основополагающие выводы К. Маркса и Ф. Энгельса, теоретические идеи В.И. Ленина и его практическая деятельность определили подход к разработке научной теории государ-

⁶ Экимов А.И. Политические интересы и юридическая наука // ГП, 1996. № 12. С. 3.

⁷ Денисов А.И. Некоторые вопросы предмета марксистско-ленинской теории государства и права. М., 1962; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972; Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971; Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972; Фельдман Д.И., Курдюков Г.И., Лазарев В.В. Теоретические проблемы методологии исследования государства и права. Казань, 1975.

⁸ Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. С. 45-46, 49.

⁹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. IV. С. 135-136.

¹⁰ Братусь С.Н. Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук // “Ученые записки ВНИОН”. Вып. 2. М., 1955. С. 10.

¹¹ Явич Л.С. К вопросу о методологии юридической науки // Сов. Гос. и право, 1963, № 5. С. 87. Аналогичное мнение. См.: Нерсисянц В.С. Юриспруденция. М., 1998. С. 47-56.

¹² Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 20-25, 32.

ства и права. Благодаря марксизму и революции, писал П.И. Стучка в 1921 г., в нашей стране впервые возникла действительная наука права. Он характеризовал ее как общественную науку.

Большое внимание вопросам марксистско-ленинской методологии, пересмотру на этой основе содержания юридических понятий и категорий уделялось в работах П.И. Стучки, Н.В. Крыленко, Д.И. Курского, Е.Б. Пашуканиса, И.П. Разумовского, М.Д. Резунова, С.А. Булатова и др. В 20-30-х годах активно подвергался критике формально-догматический метод буржуазной юриспруденции и обсуждались вопросы оценки понятийных средств изучения права.

Однако с конца 30-х до середины 50-х годов творческое внимание к науковедческой оценке теории права, анализу ее методологии и понятийного аппарата значительно ослабело, хотя в отдельных случаях были творческие поиски и проводились исследования как в отраслевых науках, так и более широкого плана. Установились негативные штампы в оценке метода правоведения, которые снимали с повестки дня вопрос об изучении правовых категорий¹³.

Лишь в 50-х годах возрождается творческий интерес к методологии правовой науки. В настоящее время углубляются и развиваются мнения ученых о понятийном аппарате в правовой методологии. На современном этапе проводится различие между стандартами демократии и критериями эффективности государства.

В ходе мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», прошедшего в сентябре 2010 г. в Ярославле, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев среди важных политических приоритетов современной России определил модернизацию экономики и технологического производства. Способность государства обеспечивать и поддерживать высокий уровень технологического развития, а также высокий уровень средств коммуникации и обмена были названы в числе пяти стандартов демократии, и в качестве одного из них наряду с высоким уровнем культуры и образования стоят средства коммуникации и обмена информацией.

Справедливости ради отметим, что данный элемент, т.е. уровень культуры в государстве, не является таким уж новым открытием и «огромным шагом вперед в развитии теории о сущности государ-

ства», хотя некоторые авторы относят данный элемент и к правовому государству¹⁴. Конечно, в этом нет ничего спорного. Все правильно. Любое государство характеризуется названным признаком. Но предпочтительнее говорить о стандарте благополучия жизни, которое характеризуется уровнем демократии. В этом смысле элемент культуры рамках «стандарта демократии» получает другое осмысление, прежде всего, с позиции критерия эффективности демократии.

Так, по признанию ученых, если с финансовой точки зрения государственное вмешательство в сферу культуры вряд ли может быть чрезмерным, то с точки зрения форм такого вмешательства возникают проблемы. Во-первых, государство не должно монополизировать деятельность в отраслях культуры, особенно в области воспитания и образования. Во вторых, государство не должно под предлогом «создания наиболее благоприятных условий» подчинять сферу культуры какой бы то ни было государственной идеологии (религии); идеологический плюрализм и толерантность – основа развития культуры. В-третьих, под тем же предлогом недопустима любая цензура и любые ограничения свободы выражения мнений. Это относится только к предмету правой задачи государства. В-четвертых, недопустимо любое вмешательство в сферу свободы научного и художественного творчества. То, что государство может делать в рамках выполнения своей правовой задачи, оно не может делать в рамках рассматриваемой задачи.

Таким образом, в том, что касается функции содействия развитию демократии, государственный патернализм должен быть максимально ограничен. Например, государство может определять приоритеты в развитии науки или образования лишь в той мере, в какой оно выступает заказчиком определенных научных разработок или работодателем для специалистов определенной квалификации¹⁵. Это особенно заметно в информационном обществе¹⁶.

¹⁴ См.: Янаев Ф.М. Колонка главного редактора // Правое государство, 2010. № 3(21). С. 4.

¹⁵ Ноздрачев А.Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал рос. право, 2005. № 9. С. 14-27.

¹⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2010. «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 гг.)» // http://rclap.ru/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=18

¹³ Подробно см.: Раздел 5 настоящей работы.

В плане культуры нетрудно заметить, что стадии *этнического* развития сопровождаются стадиями развития государственности. К сожалению, в отечественной науке вследствие бывшего монопольного господства марксизма-ленинизма историческое развитие государственности рассматривалось только с точки зрения теории смены общественно-экономических формаций. Этничность же, если взять любой словарь или энциклопедию, определялась в отрыве от ее политических форм. Это и понятно: она не считалась, как, впрочем, и сама государственность, образующим фактором формационного развития.

Между тем здравый смысл приводит нас к выводу, что нельзя говорить, например, о нации как исторической общности людей, не учитывая а и общность в отношении политической культуры, укоренившихся традиций в понимании права, соотношения личности, государства, общества, религии. Эти традиции формируются в процессе политической жизни и политического взаимодействия этносов, влияют на социально-психологический облик и стереотипы поведения, являясь важными признаками гражданского общества.

Методологическая основа сказанного состоит в том, что государственно-политическое развитие неразрывно связано с этническим развитием, и хотя этничность и политика – разные вещи, закономерности становления и развития государственности тесно связаны с закономерностями формирования и развития этнических общностей¹⁷.

Ныне распространено как этническое, так и политическое понимание нации и нет единства мнений об их содержании и соотношении. Между тем крайне необходимо “рабочая” общая этнополитическая концепция¹⁸, позволяющая теоретически аргументировано объяснить, например, распад “социалистических” федераций, предложить решение практических проблем в создании демократической

государственности, оценить реальные перспективы их внутренней консолидации и интеграции в СНГ¹⁹.

Следовательно, методология государствоведения позволяет: *формулировать* критерии отличия изучаемого объекта от других объектов, в том числе правового государства, а также специфические способы его построения, употребления; *формировать* значение вновь вводимого знакового выражения или уточнять значение соотношения «общество», «государство», «личность»²⁰, имеющегося выражения в формализованных языках логики.

В отличие от других логических средств (например, правил вывода) определения формулируются в процессе научного исследования в комплексной форме и составляют важнейшую часть научных теорий, их фрагментов, более или менее законченных рассуждений.

Для всестороннего понимания определения ценностной системы, в т.ч. в рамках правового государства, *недостаточно* сделать его объектом исследования (понимания понимания) и рассмотреть его автономно. Видимо, необходимо проанализировать его в разных отношениях: в отношении к реальности и в отношении к субъекту познания. Иными словами, выяснить не только его общие, существенные всякому пониманию государства, но и частные признаки, характеризующие понимание вообще государства (а не только правового) в его конкретных проявлениях, в частности, в применении к истории развития государства и права или же права и государства. Наиболее полную характеристику пониманию можно дать, лишь определив его в различных философских аспектах: по *логическому* основанию государства и права; по *онтологическому* основанию учения о государстве, Федерации, Конституции, суверенитете, народовласти и государственной власти; по *гносеологическому* основанию государственно-правовых категорий, институтов и терминов; по *методологическому* основанию методов и этапов исследования самой Конституции,

¹⁷ Абдулатипов Р.Г. Каждый этнос феномен общества. Выступление на Межрегиональной научно-практической конференции «Народы Урало-Поволжья: история, культура этничность» // Ватандаш. 2004. № 1. 17-21.

¹⁸ Маликов М.Ф. Этнополитическая концепция на современном этапе // Сборник научных трудов. Концептуальные проблемы местного самоуправления. Серия 1. Уфа, 1998. Выпуск I (1) (2) (3). С. 64-71; *Он же*. Теоретические основы государственной власти и самоуправления // Стерлитамак, 2000. Выпуск III. С. 3- 22.

¹⁹ Маликов М.Ф. Методология изучения правового регулирования в Российской Федерации и Содружестве Независимых Государств // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. Вып. 1. № 8. С. 91-97.

²⁰ Ильин М.В. и др. Гражданское общество и государство // Полис, 1992. № 1-2. С. 58-68; Пул В.А. Человек и гражданское общество // Социс., 1991. № 9. С. 58; Маликов М.Ф. Соотношение общества и гражданского общества // Концептуальные проблемы правового регулирования. Уфа: БГУ, 2001, Выпуск VI. С. 436-442.

Федерации и власти в целом; по *аксиологическому* основанию способности государства удовлетворить соответствующие общественные цели, например, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст.7 п.1) на основе различных форм собственности (ст.8 п.2 Конституции РФ) и интересов личностей, групп, коллективов, регионов и общества в целом, о чем свидетельствуют основные этапы приватизации госсобственности в Российской Федерации.

Так, первый этап с 1991 г. – **чековый («ваучерный»)**: через аукционы, акционирование и т.д. приватизировано более 50 % всех предприятий страны (к примеру ЗИЛ, ГАЗ, «Газпром» и др.). Второй этап с 1995 г. – **денежная приватизация**: через залоговые аукционы, где банки давали государству деньги под залог крупнейших предприятий, в частные руки перешли «Норникель», ЮКОС, ЛУКОЙЛ, «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», Новолипецкий металлургический комбинат и др. Третий этап с 2011 г. – по озвученному чиновниками плану **под частный контроль** может быть отдана большая часть акций «Роснефти», «РусГидро», Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанка, «Совкомфлота», «Транснефти», «Объединенной зерновой компании», «Росспирпрома» и др.²¹

Как видно, с методологической точки зрения выяснить сущность и смысловое значение любого понятия (в том числе правового государства) можно лишь в результате применения принципов развития (анализ истории его возникновения и существования) и связи (анализ связи с другими понятиями, установления его роли в понятийном аппарате, места в системе таких понятий, как описание, объяснение, оценка, критика и др.)²². Для раскрытия содержания и функций указанного понятия необходимо посмотреть, как менялось представление о понимании власти, государства, политики, конституции, федерации и др., какие попытки философского осмысления их предпринимались и предпринимаются в настоящее время. До XIX в. проблема понимания чего-то рассматривалась исключительно в онтологичес-

ком аспекте (т.е. в отношении к объективной реальности, безотносительно к познающему объекту), в рамках которого исторически сложились две формы понимания истории: идеалистическое и материалистическое. В силу известных причин долгое время господствующим было идеалистическое понимание истории, выводимое из сознания (идеи – цели – воли) действующего в истории субъекта. Такое понимание истории было недостаточным, поскольку историки-идеалисты, констатируя исторические факты, в лучшем случае устанавливали второстепенные причины, не доискиваясь до первопричин, не раскрывая движущих сил истории. Исторические явления рассматривались изолированно как случайные, единичные, неповторимые, совершенно отличные и от явлений природы, и друг от друга. Такого рода понимание правового государства наблюдается и в настоящее время. Появилось стремление разработать нечто новое, способное противостоять не только прежнему идеалистическому, но и новому, возникшему в середине XIX в. материалистическому пониманию истории. Поэтому в конце XIX – начале XX в. в методологии истории осуществился переход от онтологической проблематики к гносеологической, сущностью которой стало выведение природы понимания теперь уже из сознания познающего субъекта. Понимание стало рассматриваться “само в себе”, автономно, безотносительно к объективной исторической реальности. Главным методом понимания стал метод интроспекции (субъективный метод, описывающий, что происходит во время понимания в познающем субъекте). Поставив субъект в центр познания, идеалисты превратили понимание в факт нашего сознания, абсолютного понимания, то есть в конце концов всякое понимание истории будет только *нашим* пониманием и никогда не может быть достигнуто абсолютного раз и навсегда признанного масштаба.

От гносеологического аспекта понимания в рамках позитивизма был осуществлен переход к логическому аспекту. Странники логического позитивизма, противопоставляя свое учение материалистическому пониманию истории, отказались вообще от термина *понимание*, негативно определяя его как нечто субъективное, произвольное и потому ненаучное, и сделали предметом своего исследования одну из сторон понимания – *объяснение*, возведя его в ранг абсолютно объективного, позитивного, рационального, чисто научного.

Речь идет о том, что *осознание* и *раскрытие внутренней формы*, связующей в единое целое все содержание диалектико-материала-

²¹ Бовт Г. Кого спасут деньги от продажи госсобственности? // АнФ. 2011. № 32. С. 12.

²² Маликов М.Ф. Истоки познания. Том 1. Социально-политические очерки. С. 27-30.

листического философского мировоззрения и метода, может быть достигнуто лишь на основе тщательного анализа самого этого *содержания* в пониманиях и определениях. Конечной задачей предпринимаемого анализа исходного содержания является построение целостной теории как развернутой системы *необходимых* взаимосвязей между всеми элементами ее содержания. Первым шагом на пути к указанной теории, без которого никак нельзя обойтись, следует считать выдвижение, на основе теоретически осмысливаемого эмпирического (по отношению к создаваемой теории) знания об элементах диалектики, исходной или фундаментальной идеи разрабатываемой теории, методе или способе развертывания идеи в теорию как целостную систему теоретического знания²³.

К составу методологической основы изучения государственной власти следует отнести системообразующие элементы науки: теории, законы, принципы и постулаты, гипотезы, частные методы, специфические категории, факты. П.А. Рачков располагает их в виде пирамиды, основанием которой служат факты. С.С. Алексеев выделяет в составе юридической науки общеметодологическую основу, фактический материал и теоретические построения. Авторы курса «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» отмечают, что ее состав «слагается из трех звеньев, покоящихся на единой методологической основе: материальное, теоретическое, практическое. П.В. Копнин, рассматривая науку как логическую систему, различает в ней: основания науки, законы, основные понятия, теории, идеи²⁴. Поясняя свою мысль, П.В. Копнин пишет: «Когда мы говорим, что идея составляет основу научной теории, это не предполагает возможности ее выделения из теории, изолирования и рассмотрения в качестве чего то самостоятельного и внешнего по отношению к теории. Поэтому не случайно, что внутренней силой объединения людей в государство является определенная идея – социальная, национальная и т.п. Идея существует в теории и раскрывается в ней. Без теории нет идеи, но и без идеи нет теории. Причем, пока не со-

зреет, не выкристаллизуется идея, не может быть создана новая теория и ее образующая система понятий, функция которых состоит в раскрытии идеи». И дальше: **«развитие метода познания означает не нахождение новых примеров, иллюстраций, подтверждающих его в целом или в отдельных частях, а усовершенствование системы знания, которая раскрывает его идею.** Сама идея метода выражена в принципах и законах, из системы которых следуют методологические выводы». Для полной ясности приведем еще одно суждение П.В. Копнина: «Идея выражает такую закономерность, которая характеризует существенное во всем процессе, отражающемся в данной теории, и на всем протяжении его протекания, и потому осознается в общем виде раньше, чем подробности и детали. Все остальные понятия, входящие в данную теорию, связаны с идеей, выражают ее отдельные стороны и моменты»²⁵. Представляется, что исследователями трансформации федеративных отношений и правового государства, к сожалению, не соблюдаются эти постулаты.

В этой связи уместно привести слова Е.Ф. Солопова. Он, рассматривая вопрос о соотношении идеи, метода и теории в государственоведении, пишет: *«идея* есть выражение сути, общей логической основы теории, *метод* – способ, само протекание процесса развертывания идеи в теорию, а *вся теория* – систематически и всесторонне развернутая идея, результат теоретического познания предмета и вместе с тем зафиксированный в структуре теории сам процесс достижения этого результата»²⁶. Теперь мы должны конкретизировать данные моменты применительно к основным теоретическим элементам теории государственной власти. При теоретическом исследовании вопросов государства и права в онтологическом аспекте их различия могут не учитываться. Однако при логическом анализе эти различия приобретают значение. Так, на них по-разному влияет общая тенденция уплотнения теоретических знаний, связанная со все увеличивающимся потоком научной информации и убыстряющимся накоплением знаний об окружающей действительности. По отноше-

²³ Маликов М.Ф. Истоки познания. Том I. Социально-политические очерки. С. 11.

²⁴ Рачков П.А. Науковедение. М., 1974. С. 44; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. IV. С. 102-103; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. С. 84; Копнин П.В. Логические основы науки. Киев, 1986, С. 210.

²⁵ Копнин П.В. Идея как форма мышления. Киев, 1963. С. 60; Копнин П.В. Идея // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1972.

²⁶ Солопов Е.Ф. Предмет и логика материалистической диалектики. Л., 1973. С. 123-203.

нию к основному теоретическому ядру эта тенденция проявляется непосредственно. Менее устойчивые элементы под ее воздействием могут, с одной стороны, выделяться из состава теории государства и права, переходить в сферу специальных юридических наук и даже образовывать новые дисциплины, а с другой стороны, терять свое значение вообще, выпадать из научного оборота, как, например, учение о диктатуре пролетариата, об общенародном государстве, о конституционной государственности.

В таком плане теория рассматривается как система знаний, отражающая не только диалектику своего предмета, но и диалектику постижения его субъектом. **Она характеризуется с точки зрения того, что, как, кем познается.** Однако не исключаются, а, наоборот, предполагаются при этом другие характеристики, например когда теорию государства и права рассматривают как логическую систему. Здесь будут взяты за основу уже иные структурные элементы, выделение которых связано с содержанием теоретических знаний о государстве и праве²⁷, или же наоборот, о праве и государстве²⁸.

Каждая из этих теорий специфична и в государствоведении потому, что, во-первых, имеет своеобразный предмет познания; во-вторых, ставит цель раскрыть его объективную сущность; в-третьих, выражает эту сущность, формы ее проявления и закономерности в системе собственных, только ей присущих категорий и понятий; в-четвертых, обладает соответствующей сферой “выхода” своих знаний в область специальных юридических наук и общественной практики. В связи с этим необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что дифференциация основных теоретических исследований в правоведении основана именно на таком разграничении. Причем речь идет не только о разработке отдельных проблем, находящихся в поле зрения каждой из данных теорий, но и о наличии обобщающих работ, дающих их целостное освещение.

Например, профессор Ф.Н. Багаутдинов отмечает, что профессор Ф.Н. Фаткуллин в корне не был согласен с мнением о том, что

право – это явление, производное от государства и во многом ему подчиненное. Он впервые назвал работу, в которой вслед за правовым регулированием исследуются феномены право, и только за тем государством, его механизмы и функции²⁹.

В последние годы все чаще говорят о подотраслях теоретического правоведения и о его подразделениях, таких как “философия права, юридическая концепция и социология права”. При таком подходе акцент делается на характеристику путей получения знаний. В.А. Турманов в свое время правильно отмечал, что “марксистская теория монистически соединяет в себе философский, социологический и юридический подход к праву”. По его мнению, только такое соединение является “плодотворной основой для собственно юридического анализа правовых институтов и норм”³⁰.

Правда, эти положения были отвергнуты. На это были и серьезные основания. Так, логическим выражением знаний о предмете служат те понятия и категории, которыми оперирует теория государства и права. Однако эти понятия и категории, взятые в отдельности, не составляют еще ни теории, ни науки, ибо в этом случае они не обладают достаточной доказательной силой и не могут выразить конкретной истины. Объективная конкретная истина достигается тогда, когда они представлены в определенной системе: взаимосвязаны и представляют научную теорию. Не любая связь понятий, категорий и суждений образует теорию. В этом плане можно считать, что нет особой теории правового государства, а есть только учение о государстве. Научная теория имеет место в том случае, если подытоженные ею знания развернуты в понятийной форме и через систему абстрактных категорий дают конкретное представление о сущности изучаемого явления, о закономерностях его развития и формах проявления. Знания, выражаемые отдельными категориями и понятиями, в составе теории организуются, достигают той полноты и определенности, которые позволяют использовать их в практической деятельности и для получения новых результатов в познании предмета теории³¹.

²⁷ Керимов Д.А. Предмет общей теории государства и права. // Правоведение, 1976. № 1. С. 14.

²⁸ Фаткуллин Ф.Н. Основы учения о праве и государстве. Казань, 1997. 183 с. Poleмику о данной работе см.: Маликов М.Ф. Истоки познания. Том 1. 2-е изд. доп. испр. Уфа, 2011. С. 400-407.

²⁹ Багаутдинов Ф.Н. Школа профессора Фаткуллина Ф.Н. Казань, 2009. С. 261-264.

³⁰ Турманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 243.

³¹ Анализ развивающегося понятия. См.: Маликов М.Ф. Методология изучения конституционного права. В 2-х. Ч.1. Стерлитамак, 2000. С. 28-38.

Следовательно, чтобы освоить науку государственного права – следует овладеть ее понятиями и категориями трех групп: *понятия, разработанные* философами, историками, экономистами, например, общество, базис, надстройка, нации, классы; *юридические понятия*, заимствованные наукой Конституционного права из других юридических наук – теории государства и права, отраслевые науки: государство, право, норма права, правоотношение, ответственность, санкции и др.; *собственные понятия* Конституционного права, конституционный строй, народный, национальный, политический, государственный суверенитет, федерация, субъекты федерации, формы осуществления государственной власти, народовластие и др.³²

При этом, понятия и категории правоведения (государствования), раскрывая сущностные стороны государственно-правовых явлений, позволяют отличить случайные и постоянные явления, т.е., говоря словами Декарта, “касательно обсуждаемых предметов следует отыскивать не то, что думают о них другие или что предполагаем мы сами, но то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть или достоверным образом вывести, ибо знания не приобретаются иначе”. Таким образом, в юридической литературе правила, принципы познания выявлены менее глубоко, чем закономерности функционирования и развития государственно-правовых явлений.

В теории государства и права, в т.ч. и конституционного права, несомненно, имеются и менее устойчивые элементы, которые не определяются непосредственно ее предметом. К ним следует отнести, во-первых, теоретические разработки, выдвигаемые потребностями общественной практики конкретного периода, и, во-вторых, те элементы, которые включились в состав теории государства и права с начальных моментов формирования правовой науки и традиционно сохраняются в ее составе.

В этой связи следует подчеркнуть об условиях изменения методологии изучения предмета и метода любой науки.

Необходимость **движения познания за изменяющимся в данный момент объектом** Б.М. Кедровым объясняется тем, что пока ученых устраивает какая-либо теория, они непосредственно пользуются ею как методологией дальнейшего познания своего предмета, практически не вычлняя методологическое осмысление те-

рии из совокупного процесса познания предмета науки и не придавая значение тому, что они занимаются познанием не только внешнего предмета, но и самого его познания. Другое дело, когда существующая теория перестает устраивать ученых, когда они обнаруживают ограниченность объяснений этой теорией того или иного аспекта познаваемого предмета и тем самым неэффективность ее как метода дальнейшего развития науки. Здесь усовершенствование теории предмета связано с дальнейшей разработкой метода и теории метода (методологии) данной науки. В такие периоды методологический анализ (причем анализ не только той теории, которая исчерпала или почти исчерпала свои возможности, а всей истории познания, как в данной науке, так и в других науках, в том числе и в философии) приобретает самостоятельное значение и начинает осуществляться осознанно и целенаправленно, о чем свидетельствует, в частности, попытка объяснить ранее определенные признаки государства, в том числе сущности правового государства³³.

С этих позиций, видимо, можно и нужно рассматривать структуру теоретических доктрин, с разных позиций объясняющих возникновение в человеческом обществе политической организации, его всеобъемлющего политического института. Среди них – вышеотмеченные теории вечности и богоустановленности государства; теории насилия и завоевания, рассматривающие государство с точки зрения внутреннего (одних групп над другими) или внешнего насилия (завоевание одних племен другими и создание государства для управления покоренными народами); теории общественного договора (создание государства для общей пользы); старые социально-династические концепции; новейшие культурологические теории; расистские концепции; классовые теории (появление частной собственности, раскол общества на классы и создание экономически господствующим классом особого аппарата подавления сопротивления угнетенных классов в виде государства). Последние в той или иной мере повлияли на мировоззрение большинства политологов, в связи с чем в научной литературе сложились взгляды о трех основных путях образования государства: военном (война как способ перераспределения общественного продукта и выделения правящей элитарной верхушки из среды военачальников), аристократическом (отделение правящей

³² Богданова Н.А. Наука советского государственного права, М., 1989. С. 65-74.

³³ Райнов Ф.М. Правовое государство – судьба России. Уфа: ДПС, 2007. 208 с.

аристократии от народа), плутократическом (сосредоточение власти в руках отдельных лиц, вокруг которых собираются их многочисленные сторонники). Эти взгляды представляют собой разновидности господствующей в науке концепции олигархического (элитарного) возникновения государства, согласно которой во главе всякого человеческого общества (племени, общественной организации, общества той или иной страны) стоит олигархия, элита. Такой, самый общий, подход к проблеме возникновения государства, предполагающий социальную асимметрию в обществе (не обязательно классовую), оказался пригодным для развития разных современных научных направлений.

В современном мире насчитывается около 200 государств. Их классификация возможна по самым различным основаниям: 1) по социальным признакам (характер государственной власти); 2) по форме (способу) организации; 3) по видам государственного режима (методам осуществления государственной власти); 4) по способу возникновения (революция, соединение государств и образование нового единого государства, разделение государства на несколько новых) и т.д. Наряду с этими делениями, а также в их рамках существуют множество градаций. Широко распространена классификация государств преимущественно с позиций политического (государственного) режима: выделяются демократические, авторитарные, тоталитарные государства.

В марксистской литературе классификация форм государства была тесно связана с их социальным характером: различались буржуазно-демократическая, революционно-демократическая и ныне существующие государственные формы. Связь классификаций норм с их содержанием определяется на том основании, что форма всегда есть организация содержания. Однако при таком подходе возникают огромные трудности, не позволяющие до сих пор ни западной, ни марксистской науке предложить наиболее общее членение государственных форм. Общепризнанные классификации формы государства осуществляются главным образом по ее элементам: форме правления (парламентарная монархия, президентская республика и др.); форме государственного устройства (унитарное государство, федерация и

др.); форме государственного режима (демократические или авторитарные методы государственного управления).

Таким образом, родившись из практики, из опыта в качестве результата, в котором обобщаются его данные, научное понятие начинает служить дальнейшему процессу движения познания к постижению все новых и новых истин, причем в конечном счете посредством дальнейшего суммирования и теоретического осмысления новых данных опыта, эксперимента, практики вообще³⁴.

Представляются вполне обоснованными выводы: коммунизм, как идеология и как система, оказался в состоянии кризиса, мы *не* должны формировать общественную политику и социальные изменения на основе идей, родившихся более ста лет назад; в фундамент нашего государства изначально были заложены отрицательные заряды в идеях “мировой революции”, “Мировой Советской Социалистической республики”, в оказании “помощи” слаборазвитым странам, в “еврокоммунизме” в “социалистическом лагере” и др.

По этому поводу Абдурахман Авторханов пишет: “Советская империя, прежде всего, – идеократическая империя. Всякое ее сравнение со старыми империями (например, Римской, Греческой, Византийской, Германской, Французской, Британской, Российской) не только ошибочно, оно просто вводит нас в заблуждение: мы переоцениваем возможности и масштаб старых империй и недооцениваем потенциальные возможности и чудовищные последствия, которые таит в себе успешное осуществление идеократической программы советской империи в глобальном масштабе – не только для внешнего мира, но и для народов самого Советского Союза. Ведь большевики могут осуществить свою цель, только принося в жертву собственное население и осуществляя геноцид чужих народов. Советский тип империализма добывается не просто покорения чужих народов и присвоения их богатств, а он еще ставит своей конечной целью обращение покоренных народов в новую коммунистическую веру, чтобы навязать им коммунистический образ жизни”³⁵.

Анализ практики показывает, что важным фактором, способствовавшим крушению Советской империи, явилась также замена государственной власти политической властью центра, а советского парламентаризма – диктатурой одной партии.

³⁴ Кедров Б.М. О природе научного понятия // Вопросы философии, 1969, № 8. С. 15-16.

³⁵ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 7.

Совершенно правы авторы, которые считали, что КПСС перестала быть партией, присвоив себе функции государственного аппарата. Поэтому нападки на нее и требования лишить ее роли ядра в политической системе означают стремление разрушить всю систему власти. Эту же мысль, но еще точнее, выразил М.С. Горбачев. По его убеждению, большей власти и больших возможностей, чем располагает Генеральный секретарь ЦК КПСС, не было и не будет ни в одном государстве³⁶.

Кстати сказать, М.С. Горбачев обосновал свою позицию таким образом.

«От очень многих я слышал утверждение: самая большая ошибка Горбачева в том, что он отдал власть. Это рассматривается как проявление слабости, своего рода жизненная неудача. Действительно, в той шкале ценностей, какая существовала до сих пор, правитель, лишившийся власти является неудачником. У меня иная точка зрения на этот счет.

Я не только был готов, но фактически сознательно вел дело к тому, чтобы на каком-то этапе, после того как будет установлен стабильный демократический режим, верховная власть у нас передавалась из рук в руки, от одних избранных народом лиц – другим. В сущности, я был готов к такой передаче после подписания Союзного договора.

К сожалению, в результате заговоров – августовского и декабрьского – такая возможность была сорвана. С тех пор Россия никак не может вернуться на колею политической стабильности... Наверное, мои читатели не воспримут с одинаковым интересом все части этого объемного труда. Но я постарался рассказать о событиях насколько возможно подробнее, рассчитывая, что это поможет лучше понять и оценить намерения тех, кто делал политическую погоду в мире в прошедшие бурные годы³⁷».

Следовательно, монополизм партии в определении экономических задач, в выработке “политической целесообразности” хозяйственных решений, в признании “правильности” отчуждения работника от собственности, гражданина от власти, личности от национальной культуры является второй причиной крушения Советской империи.

Как отмечалось в других разделах работы, политизация правовых основ общества формировала остаточный принцип интересов личности. Она превращала право в инструмент и отчуждала государство от решения социальных проблем. Это приводило к тому, что государственное принуждение поддерживало не отвечающие социальным потребностям нормы права.

Крушение правовой системы Советской империи предопределялось тем, что, во-первых, советскому законодательству в целом присущ классовый подход и императивно-репрессивный характер; во-вторых, огромная масса норм в той или иной жизненной сфере, разрозненных и слабо согласованных между собой, создана в разное время и с разными целями без учета рыночных отношений; в-третьих, многие приказы, положения и инструкции подменяли законы и противоречат нормам права; в-четвертых, наступил кризис Конституции, в ней не отражались формы государственного устройства, правления и осуществления политического режима. С признанием суверенитета республик, особенно бывших автономий, монолитное здание Советской федерации дало первые трещины.

Существующие консервативные подходы к сущности государства в этой области объясняются отсутствием цельной теории государственности. Между тем такая теория нужна для анализа Конституции РФ 1993 г. и ее субъектов. Не менее важна ее роль в определении сущности денонсации Договора об образовании СССР и подписанного Договора об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ) и Устава Союза России и Белоруссии; правового статуса бывших союзных и автономных республик; новых Федеративных отношений (ст. 1, 67) и субъектов Федерации (ст. 5, 65); принципов Конституционного строя РФ (ст. 1-16) и договорного характера Российской Федерации (ст. 11 п. 3, 73); прямого действия Конституции РФ на всей территории (ст. 4 п. 2, 15); государственной и экономической целостности Российской Федерации (ст. 8 п. 1 Конституции РФ); единства государственной власти (ст. 4 Конституции РФ, ст. 6 Конституции РБ) и верховенства Конституций.

Современная юридическая наука и практика создали теоретико-методологические основы изменения: *власть народа*, которая выражается в нормах, закрепляющих общественное устройство (последнее есть воплощение полновластия народа); *власть права*, которая выражается в нормах, закрепляющих принципы общественного и го-

³⁶ Аргументы и факты // 1991, № 5.

³⁷ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2-х книгах. М.: Новости, 2003. С. 3-4.

сударственного строя; *власть государства*, которая выражается в нормах, закрепляющих формы государственного устройства и государственных связей, а также формы осуществления государственной власти в РФ и ее субъектов.

Методологические основы изучения государственной власти и самоуправления отражены в литературных источниках³⁸ с позиций теории национального суверенитета, народного представительства, разделения властей и парламентаризма, федерализма, учения о формах государства, конституционных доктрин “национального верховенства” и “судебного надзора” и других предпосылок институционализма, которые были позаимствованы у буржуазных ученых.

Примером государственно-правового исследования проблем американского конституционализма являются труды Вильсона “Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений” (1889) и Д. Берджесса “Политическая наука и сравнительное Конституционное право” (1891).

Теоретико-юридическую разработку вопросов конституционализма мы находим еще в трактатах Китая и Индии, в трудах Платона, Аристотеля, Цицерона, Фомы Аквинского, Макиавелли, Гоббса, Руссо, Монтескье и др. Но буржуазии нужна была наука Конституционного права, *излагающая* и систематизирующая действующие нормы права, тем самым облегчающая ориентировку в нормативном материале должностных лиц государства; *обобщающая* этот материал, выводя основные юридические принципы, которые могли служить подспорьем для разрешения спорных юридических вопросов, восполнение пробелов в праве, устранение противоречий в законодательстве; *обосновывающая*, остающаяся в пределах действующего положительного права, изображающая его как самое “правильное”, как право, соответствующее интересам народа.

Доктрины были разработаны марксистской наукой исходя из *политической* (классовой) целесообразности общественного и государственного устройства, *государственной собственности* на орудия и средства производства. Отсюда отвергались идея о правовом государстве и теория разделения властей, т.к. Советы являлись зако-

нодательными и исполнительными органами. Вместе с тем при критическом анализе взглядов прежних государствоведов следует учитывать не то, что они *не дали* сравнительно с современностью, а то, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками.

Как известно, методологические основы изучения государственной власти и самоуправления базируются на теории конституционно-регулирувания, которая разработана в трудах Г.В. Барабашева, С.А. Авакьяна, О.Е. Кутафина, В.И. Фадеева, В.Ф. Котока, П.Ф. Мартыненко, И.Е. Фарбера, В.А. Ржевского, Б.С. Крылова, И.П. Ильинского, Л.А. Морозовой, М.М. Славина, И.М. Степанова, Ю.А. Тихомирова, В.П. Портнова, М.И. Пискотина, И.Я. Шермет и др.

Для теории государства и права важность их выводов определяется тем, что политические науки, прежде всего дают оценку современных процессов и явлений, хотя на этом уровне степень достоверности оценок чаще всего оказывается невысокой, одновременно сосуществует множество гипотез. С этой точки зрения политическая философия обладает определенными преимуществами по сравнению с другими отраслями знания о политике, ибо стоит на фундаменте общезначимых закономерностей, позволяющих опираться на опыт, полученный в других, однако социально соизмеримых ситуациях. Но следует помнить, что простая экстраполяция или механический перенос оценок одних исторических условий на другие могут привести (и приводят) к ложным умозаключениям. Дополнительные проблемы возникают также в связи с необычайным усложнением и ускорением политических процессов, в том числе в рамках трансформации федеративных отношений и модернизации государства³⁹.

Так, например, **особенности предмета Конституционного права Российской Федерации** связаны с частным правом⁴⁰ в период перехода к рыночным отношениям (Гражданский кодекс – Конституция гражданского общества); не завершенностью Конституционной реформы в виду асимметричности субъектов федерации; нестабильностью политической практики; использованием ветвями власти для достижения поставленных целей неконституционных мето-

³⁸ Дурденевский В., Берцианский С. Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие (1918 – 1920). М., 1959; Советское государственное (конституционное) право. Библиография (1957 – 1970). Иркутск, 1972.

³⁹ Маииков М.Ф. Современные проблемы конституционного права РФ. С.50-53.

⁴⁰ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. 124 с.

дов⁴¹. При этом не менее важными факторами выступают новые научные доктрины и теории⁴².

Поэтому на современном этапе предметом регулирования публичного права, в т.ч. конституционного права, являются: 1) устройство и функционирование государства и его институтов; 2) институты гражданского общества, включая самоуправление; 3) основы правовой системы, правотворчества и правоприменения; 4) механизм регулирования межгосударственных отношений, согласования национальных законодательств и международного права; 5) юридические режимы и приоритеты международных норм⁴³.

Однако, следует подчеркнуть, что при изучении этих проблем не учитываются особенности политико-правовых и государственно-правовых режимов.

Дело в том, что политический режим характеризуется деятельностью государственных органов, политических организаций и идеологией в обществе. Государственный режим характеризуется способами и методами непосредственной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Конституционный (конституционно-правовой) режим используется как элемент «юридического режима» и как метод конституционного регулирования, а также как основы политического режима.

Общее для всех то, что юридический режим (правовой режим, конституционный режим, конституционно-правовой режим) выражается в целостной системе правового (нормативного) регулирования. Он характеризуется особым порядком возникновения и формирования содержания прав и обязанностей субъектов правовых отношений.

Конституционно-правовой режим характеризуется механизмом конституционного регулирования, уровнем развития экономической и политической систем, социальными ценностями общества, организацией и функционированием органов государства, выражающих полновластие народа, обеспеченностью охраны и защиты прав и интересов граждан⁴⁴.

⁴¹ Богданова Н.А. К новой концепции преподавания Конституционного права // Государство и право, 1994. №4.

⁴² Овсенян Ж.И. К обсуждению новой концепции преподавания Российского государственного права // Государство и право, 1996. № 10.

⁴³ Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. С. 24.; *Он же*. Публичное право: падения и взлеты // Государство и право, 1996. № 1.

⁴⁴ Маликов М.Ф. Современные проблемы конституционного права РФ. С. 47.

Раздел 5 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Вышеизложенное позволяет сформулировать теоретические основы государственной власти и самоуправления. Необходимость самостоятельного раздела объясняется тем, что способы организации и формы осуществления государственной власти и самоуправления охватывают не только право, правовую систему, но государство и связи его с другими элементами политической системы, в том числе правовыми институтами, принципами и источниками права.

Попутно заметим, что теоретические основы государственной власти и самоуправления формировались в различных исторических условиях. Но на любом этапе они позволяли не только объяснить реальность права, но и в конечном счете и регулировать федеративные отношения на основе: *власти народа*, которая выражается в нормах, закрепляющих общественное устройство (последнее есть воплощение полновластия народа); *власти права*, которая выражается в нормах, закрепляющих принципы общественного и государственного строя; *власти государства*, которая выражается в нормах, закрепляющих формы государственных связей и осуществления государственной власти¹.

Такой вывод следует обосновать тем, что действующие принципы, объекты, субъекты права являются социально-правовой ценностью общества и государства, в том числе социалистического государства. Ценность аксиологического аспекта государственной власти и самоуправления определяется их способностью удовлетворить соответствующие общественные цели (например, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 п. 1) на основе различных форм собственности (ст. 8 п. 2 Кон-

---

¹ Маликов М.К. Концепция государственной власти. С. 54-83.